

I. АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ, ПРОГНОЗЫ, ДИСКУССИИ

1. КИТАЙСКИЙ ПОДХОД К ОТНОШЕНИЯМ С США: ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Василий КАШИН, Александр ЛУКИН¹

Общий военно-политический подход КНР к США

Китайский подход к стратегическим отношениям с США приобрел относительно завершенные очертания, вероятно, в 2020 – начале 2021 г., но на данный момент он не обнародован в сколько-нибудь целостном виде. В отличие от США, в Китае не публиковали и, вероятно, не опубликуют комплексных программных документов, касающихся перспектив этих отношений.

Американские руководители, прежде всего, вице-президент М. Пенс и госсекретарь М. Помпео, выступали с собственным подробным видением новой эпохи соперничества с КНР еще при администрации Д. Трампа. Этот подход в целом разделяется сменившим ее кабинетом Дж. Байдена. На момент написания настоящей статьи в США велась работа над двухпартийным Законом о стратегической конкуренции (*Strategic Competition Act 2021*), в котором сформулированы политические установки по всем направлениям американо-китайских отношений: от торговой политики и военно-политических вопросов до идеологии и соперничества в Арктике².

Китай более лаконичен в своей внешнеполитической риторике. Вместе с тем, изменившийся характер отношений с США отражен в документах съездов КПК и докладах премьера Госсовета КНР Сессиям ВСНП, имеющих отдельные внешнеполитические разделы.

Исторически общая стратегия Пекина в отношении Вашингтона несколько раз коренным образом менялась. В период союза с СССР в 1950-е годы США рассматривались как безусловный противник, затем с конца 1960-х годов, после советско-китайского раскола, приведшего к вооруженным столкновениям на границе, ситуация полностью изменилась. Пекин

¹ Статья подготовлена при грантовой поддержке Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 г.

² Strategic Competition Act of 2021, A Bill to Address issues involving the People's Republic of China, DAV21598 9VG, 117th Congress, 1st session, Senate Foreign Relations Committee, 2021 <<https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/DAV21598%20-%20Strategic%20Competition%20Act%20of%202021.pdf>>.

начал довольно тесное стратегическое взаимодействие с США, стремясь создать единый фронт против СССР, который считал главной угрозой своей безопасности.

С начала 1980-х годов этот курс стал меняться, и Пекин начал проводить более осторожную политику в рамках доктрины «независимости и самостоятельности». Однако в целом до прихода в 2012 г. к власти Си Цзиньпина стратегия Пекина в отношении Запада основывалась на формулировке Дэн Сяопина: «скрывать свои возможности, держаться в тени» (*таогуаняньхуэй*), то есть копить силы и не проявлять слишком заметной активности³. Смысл ее сводился к пониманию того, что для решения исторической задачи укрепления Китая и приобретения им достойного его великой истории места в мировом раскладе сил ему необходимо экономическое содействие технологически развитых государств Запада, а для это следует обеспечить их политическую поддержку или хотя бы дружелюбный нейтралитет. Поэтому нужно не раздражать внешний мир чрезмерной внешнеполитической активностью, а копить силы.

При этом сама цель превращения Китая в великую державу под властью коммунистической партии не снималась. Более того, способность именно КПК осуществить эту цель, до этого ставившуюся несколькими поколениями китайских реформаторов и революционеров, которые, однако не справились с задачей ее реализации, служила основой легитимации власти компартии. Период накопления сил рассматривался как временный, однако конкретная его длительность не указывалась. Ясно было только, что сам Дэн Сяопин вводил его «всерьез и надолго».

При наследниках Дэна Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао мощь Китая росла и в китайской элите возникли дискуссии о том, не пора ли переходить к более активной внешней политике. Появились публикации журналистов и военных экспертов, призывавших к более решительной защите национальных интересов, и прежде всего, как это воспринималось в Пекине, к противодействию стремлению США окружить Китай сетью союзов для сдерживания его роста⁴. Однако в этот период руководство страны, опасаясь реакции Запада и возможных последствий для экономического роста, не включало большинство из этих предложений в официальную доктрину, объявляя их неофициальной частью свободной дискуссии. Смысл всех официальных

³ Чэнь Вэньлян. Дуй «таогуаняньхуэй» дэ чжэсюэшэньши [Детальный философский анализ положения «скрывать свои возможности, держаться в тени»], *Чжунгофачжань*, 2012, т. 12, № 1.

⁴ Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзису, Сун Цян, Лю Ян. Чжунго бугаосин: да шидай, да мубяо цзи вомэндэ нэйю вайхуань [Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние трудности]. Нанкин. Цзянсу жэньминь чубаньшэ. 2009; Лю Минфу. Хоу Мэйго шидайда даго сывэй: Чжунго мэн [Великодержавное мышление постамериканского мира: китайская мечта. Пекин. Чжунго юи чубаньшэ. 2010; Дай Сюй. С-синбаовэй. Нэйю вайхуань сяда Чжунго тувэй. [Дугообразное окружение: Китайский прорыв в условиях внутренних трудностей и внешнего давления]. Шанхай. Вэньхуэй чубаньшэ. 2010.

внешнеполитических концепций этого времени («мирный подъем», «мирное развитие», «гармоничный мир») сводился к попыткам убедить внешний мир в отсутствии какой-либо угрозы возвышения Китая.

Руководство Си Цзиньпина изменило этот подход. Идеи о том, что принцип *таогуаняньхуэй* устарел, что Китаю пора проявлять большую активность, создавать базы за рубежом, защищать свои коренные интересы военной силой, наказывать санкциями страны, проводящие враждебную политику и т.п., переместились в официальные документы⁵. Были выдвинуты масштабные международные программы: «Один пояс, один путь», «Made in China 2025» и другие, направленные на достижение Китаем технологической независимости и значительной роли в мировой экономике и политике⁶.

В области стратегии было значительно расширено понятие «коренных интересов», которые Пекин готов защищать всеми силами и средствами. Если ранее к ним относился в основном только вопрос суверенитета над Тайванем, то теперь в «коренные интересы» были включены проблемы Синьцзяна, Тибета, Гонконга, все территориальные споры (с Индией, Японией, в Южно-Китайском море) и даже не вполне ясно очерченные «интересы развития».

Осуществляя эти изменения, Пекин в то же время не предусматривал слишком резкой реакции США. Предполагалось, что мир настолько глобализировался, а китайская экономика настолько срослась с мировой, что серьезных размежеваний (*decoupling*) и конфликтов не возникнет. Пекин ожидал, что отношения с Вашингтоном будет развиваться соответствии с «новой моделью отношений между крупными державами в XXI веке», которую Си Цзиньпин предложил во время визита в США в 2012 г.⁷ Ее смысл сводился к координации действий на международной арене при соблюдении собственных интересов. Однако США не приняли этой модели, восприняв ее как угрозу своей лидирующей позиции в мире, и перешли к политике активного сдерживания Китая.

На практике курс на сдерживание начал осуществляться уже в конце срока президента Б. Обамы, но его наиболее активным проводником стал Д. Трамп. Для Китая такой поворот был крайней неожиданностью. Это выразилось в резкой полемике и открытых разногласиях в китайском обществе⁸.

На раннем этапе обострения американо-китайских отношений в 2018–2019 гг. от китайских коллег можно было слышать предположения о том, что кризис стал результатом деятельности конкретных политических деятелей

⁵ Денисов И. Е. «Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине», *Международная жизнь*, 2015, № 5, с. 40–54; Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Крашенинникова Л. С. «Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика», *Сравнительная политика*, 2020, т. 11, № 2, с. 123–138.

⁶ Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи / Отв. ред.: А. В. Лукин. – М.: Научный эксперт, 2016.

⁷ Lampton, D.M., 'A New Type of Major-Power Relationship: Seeking a Durable Foundation for U.S.–China Ties', *Asia Policy*, no. 16 (July 2013), pp. 51–68.

⁸ Лукин А. В. «Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики», *Полис. Политические исследования*, 2019, № 1, с. 71–89.

и в целом может быть преодолен. Более того, многие были склонны обвинять в произошедшем разрыве непосредственно Си Цзиньпина, жесткость и чрезмерную активность его внешней политики и предполагаемые шапкозакидательские настроения в его окружении.

В этот период для КНР была характерна острая дискуссия внутри политической и интеллектуальной элиты, которая порой выплескивалась в публичное пространство. Например, в августе 2018 г. получило широкую известность коллективное письмо группы китайских ученых и общественных деятелей с призывом уволить видного китайского экономиста, директора Центра по изучению Китая университета Цинхуа Ху Аньгана. Его обвиняли в «триумфализме» за его утверждения о том, что Китай уже близок к достижению превосходства над США и превращению в ведущую мировую державу⁹.

В том же ключе было выдержано выступление видного общественно-го деятеля, старшего сына покойного архитектора китайских реформ Дэн Сяопина Дэн Пуфана, долгие годы возглавлявшего Китайскую федерацию инвалидов. Дэн Пуфан отметил, что Китаю следует избегать чрезмерной демонстрации своего лидерства на международной арене, «знать свое место» и трезво воспринимать реальное положение дел¹⁰.

Представители китайских властей в тот период осторожно комментировали состояние отношений с США, подчеркивая сохраняющуюся заинтересованность в диалоге.

К 2020 г. в китайском экспертном сообществе прочно утвердилась точка зрения о системном характере противостояния с США, неизбежности американских попыток сдержать технологическое развитие Китая и ограничить его внешнеэкономические связи. К этому времени китайское экспертное сообщество исходило из неизбежности продолжения противостояния с США независимо от внутривнутриполитических изменений там.

Курс США на технологическое сдерживание КНР рассматривался как безальтернативный: предполагалось, что любая американская администрация будет пытаться закрыть для китайских производителей мировые рынки телекоммуникационного оборудования 5G и продукции, относящейся к отрасли искусственного интеллекта. В качестве оптимистического сценария допускалась возможность возобновления сотрудничества США по отдельным направлениям двусторонних отношений, представляющим взаимный

⁹ Huang, C., 'China's social media users call for sacking of "triumphalist" academic, as anti-hype movement grows', *South China Morning Post*, 3 Aug. 2018 <<https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2158054/chinas-social-media-users-call-sacking-triumphalist>>.

¹⁰ Mai, J., 'Deng Xiaoping's son urges China to "know its place" and not be "overbearing"', *South China Morning Post*, 30 Oct. 2018 <<https://www.scmp.com/news/china/politics/article/2170762/deng-xiaopings-son-uses-unpublicised-speech-urge-china-know-its>>.

интерес, и возможность отмены новой администрацией наиболее бессмысленных и неэффективных тарифных ограничений, введенных администрацией Трампа¹¹.

Ни при каких обстоятельствах не ожидали в Пекине от США и отказа от линии на военное сдерживание Китая. В 2020 г. накануне избрания Дж. Байдена высказывалась точка зрения, что политика военного сдерживания Китая, хотя и продолжится, станет, возможно, более упорядоченной и «осторожной». Допускалось, что новая администрация постарается наладить контакты по военной линии и выработать процедуры для предотвращения опасных инцидентов. При этом, как отмечал заместитель директора Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) Ли Янь, курс на дальнейшее военно-техническое соперничество с Китаем, попытки достичь над ним решающего превосходства, а также размещение дополнительных войск в Азиатско-Тихоокеанском регионе продолжатся¹².

Эти оценки в целом подтвердились и за месяцы, прошедшие после вступления Байдена в должность. Американская военная деятельность в западной части Тихого океана продолжилась без существенных изменений по сравнению с последними годами администрации Трампа, включая проведение крупных военных учений в чувствительных для Пекина районах Южно-Китайского моря¹³.

В конце концов в Пекине было принято решение готовиться к худшему, но надежда на то, что политика Трампа – некое исключение, и после его ухода всё можно повернуть вспять, явно сохранилась. Это выразилось в завышенных китайских ожиданиях от встречи с представителями администрации Байдена в Анкоридже в марте 2021 г., когда вместо ожидаемых предложений о взаимных компромиссах китайская делегация столкнулась с гневной отповедью по всем тем вопросам, которые Пекин считает своими «коренными интересами». Вероятно, только после этого китайская стратегия по отношению к США сможет принять более или менее последовательный характер.

Военная стратегия КНР в отношении США

Военная стратегия КНР в отношении США развивалась в соответствии с общими подходами. Пекин рассматривает Вашингтон в качестве наиболее вероятного источника военной угрозы, по всей видимости, начиная с конца

¹¹ Ли Чжань. Шэй чжу чэньфу? Мэйго дасюань чжэнчжи гуаньча [Кто контролирует взлеты и падения? Политическое наблюдение за выборами в США], Цайсинь, 25 авг. 2020 г. <<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1675988966161752896&wfr=spider&for=pc>>.

¹² Байдэндэ дуй Хуа Цзюньши чжэнцэ чунцзай «цзиньшэнь эчжи» [Военная политика Байдена в отношении Китая по-прежнему состоит «осторожном сдерживании»], Чжун-Мэ цзюйцзяо ван, 30 дек. 2020 г., <<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1687467596148077131&wfr=spider&for=pc>>.

¹³ Lindberg, K. S., 'U.S. Aircraft Carriers Conduct Exercises in South China Sea', Bloomberg, 9 Feb. 2021 <<https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-09/u-s-aircraft-carriers-conduct-exercises-in-south-china-sea>>.

1980-х – первой половины 1990-х годов. Политическими факторами, определявшими изменения в китайском военном планировании в тот период, были нормализация отношений с СССР, закрепленная визитом в КНР советского лидера М. С. Горбачева в мае 1989 г., и резкое охлаждение отношений с США в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь в том же году.

Сильное впечатление на китайское руководство произвела операция «Буря в пустыне», проведенная в августе 1990 – январе 1991 гг. США и их союзниками против иракских войск. Разгром вооруженных сил иракского диктатора Саддама Хусейна, осуществленный США в короткие сроки и с минимальными потерями, привел к переосмыслению руководством КНР характера современной войны. По состоянию на 1990 г. иракская армия существенно превосходила Народно-освободительную армию Китая (НОАК) и по техническому оснащению, и по боевому опыту, но оказалась не в состоянии оказать эффективное сопротивление США.

Изменения в китайском военном планировании могут лишь отчасти прослеживаться по китайским доктринальным документам, которые никогда не публикуются в полном виде, доступны лишь отдельные цитаты из них. Центральное место среди подобных документов занимают Указания по военной стратегии (*Цзюньши чжаньлюэ фанчжэнь*) Центрального военного совета (ЦВС) КПК.

Их составными компонентами являются: идентификация основных стратегических оппонентов; определение цели ведения боевых действий, исходя из угроз; и основные стратегические направления. Далее идет раздел, обозначаемый как «Основы подготовки к военным действиям», содержащий описание характера будущих боевых действий. Наконец, в разделе «Основные руководящие соображения» приводятся указания и рекомендации по ведению боевых действий НОАК в будущем¹⁴.

«Указания» – секретные документы, хотя об их принятии Центральным военным советом объявляется в СМИ. Их принятие является сигналом о переоценке военно-политическим руководством КНР характера военных угроз, с которыми сталкивается страна. Известными из них становятся лишь отдельные выхолощенные фрагменты, носящие характер емких формул. Наиболее важные «Указания», приведшие к последующим глубоким изменениям в китайском военном строительстве, были выпущены в 1993 г. и призывали НОАК готовиться к «локальной войне в условиях применения высоких технологий». Очевидно, что в качестве противника здесь могли иметься в виду только развитые страны Запада, прежде всего США.

Опубликованные впоследствии разъяснения и уточнения ясно показывали, что НОАК должна была готовиться к боевым действиям против вооруженных сил развитых государств, обладающих современным высокоточным оружием, системами разведки и управления, потенциалом ведения войны в информационном пространстве и прочими возможностями, имевшимися на тот момент лишь у США.

¹⁴ Fravel, M. T., 'China's New Military Strategy: "Winning Informationized Local Wars"', *China Brief*, vol. 15, no. 13, 2 July 2015 <<https://jamestown.org/program/chinas-new-military-strategy-winning-informationized-local-wars/>>.

Последующие «Указания», выпускавшиеся в 2004 и 2015 гг., по известным данным, скорее уточняли установки документа 1993 г. С общего акцента на «высокие технологии» в них был осуществлен переход к «информационным технологиям», при этом в 2004 г. речь шла о подготовке к «локальной войне в условиях применения информационных технологий», а в 2015 г. – к «информатизированной локальной войне». Естественно, что и здесь имелись в виду, прежде всего, США и их союзники.

Отдельные фрагменты «Указаний» находят свое отражение в китайских «Белых книгах по национальной обороне», публикуемых в среднем раз в два года, начиная с 1998 г. Тем не менее, «Белые книги» являются преимущественно пропагандистскими документами, обходящими наиболее щекотливые аспекты военного планирования, включая вопрос о вероятных противниках, которые, по известным данным, должны прямо называться в «Указаниях».

Помимо очевидной из китайских документов ориентации военного строительства КНР на военное сдерживание другой сверхдержавы, обладающей мощными вооруженными силами и передовыми технологическими возможностями (т. е. США), свидетельствами разворота в китайском военном планировании, начавшегося в конце 1980-х годов, были и некоторые китайские военно-промышленные программы, а также сам ход реформирования вооруженных сил.

Среди них – перенос центра тяжести в китайском военном строительстве с сухопутных войск на флот, а также значительный объем инвестиций, начиная с конца 1980-х годов, в разработку межконтинентальных баллистических ракет наземного и морского базирования, необходимых прежде всего для военного сдерживания США. С конца 1990-х годов реформы велись на фоне начавшегося быстрого роста китайских военных расходов. В 1998–2007 гг. китайский военный бюджет рос в среднем на 15.9% в год¹⁵. В последующем произошло замедление темпов роста китайских военных расходов: с 2015 г. рост был стабильно ниже 10%, превышая вместе с тем 6%¹⁶.

Наращивание военного потенциала КНР

Переориентация на США и их союзников в качестве вероятного противника привели к коренному изменению китайской армии. Официально Пекин заявляет, что не участвует в гонке вооружений, однако развитие его военного потенциала явно указывает на стремление противостоять США и их союзникам в оборонительной войне, которая будет вестись не только на сухопутной территории Китая, но и в окружающих его морях.

¹⁵ Chen, S., Feffer, J., 'China's Military Spending: Soft Rise or Hard Threat?', *Asian Perspective*, 2009, vol. 33, no. 4, Special issue on Arms Race in Northeast Asia, pp. 47–67.

¹⁶ Xinhua, 'China's Defense Budget Maintains Single-Digit Growth for Six Consecutive Years', 5 Mar. 2021 <http://www.xinhuanet.com/english/2021-03/05/c_139785529.htm>.

За прошедшие 30 лет китайского военного строительства радикально изменились китайский военный и военно-промышленный потенциалы и сам облик китайских вооруженных сил. НОАК перестала быть преимущественно сухопутной силой. На сухопутные войска, пережившие многочисленные волны сокращений, приходится теперь менее половины их численности.

Наиболее быстро растущим видом вооруженных сил стали военно-морские силы НОАК, в настоящее время – крупнейший флот мира по количеству военных кораблей и второй в мире по количеству крупных боевых кораблей основных классов (эсминцы, фрегаты, авианосцы).

Из безнадёжного аутсайдера в сфере обороны и военных технологий Китай уже превратился во вторую военную державу мира, за исключением стратегических вооружений, в сфере которых второе место прочно принадлежит России.

В военных технологиях Китай рассматривается в качестве важнейшего конкурента США¹⁷. Несмотря на то, что Китай по-прежнему уступает России в ряде областей военной техники (ядерное оружие, баллистические ракеты, средства ПВО, авиационные двигатели), он воспринимается США как наиболее опасный соперник в ряде прорывных направлений развития технологий двойного назначения, включая искусственный интеллект и квантовые технологии.

В военно-экономическом отношении США сохраняют значительное превосходство над КНР по размеру номинального военного бюджета: 705 млрд долл. у США при 1.355 трлн юаней, или 202 млрд долл. по текущему курсу, у КНР на 2021 г.

Это превосходство, однако, в значительной степени обесценивается рядом обстоятельств экономического и военно-политического характера.

Важно, что бюджеты двух стран имеют разную структуру. В структуре военного бюджета США закупки вооружений и военной техники составляют лишь немногим более 20%, еще 14–15% тратятся на НИОКР¹⁸. В китайском военном бюджете на НИОКР и закупки с 2015 г. тратится более 40% расходов¹⁹. При этом известно, что подавляющее большинство расходов на разработку вооружений и военной техники в КНР не учитываются в официальном военном бюджете – они проходят через бюджет министерства промышленности и информационных технологий и ряда других госструктур.

¹⁷ Xiangning Wu, 'Technology, power, and uncontrolled great power strategic competition between China and the United States', *China International Strategy Review*, 2020, vol. 2, pp. 99–119 <<https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-020-00040-0>>.

¹⁸ Harrison, T., Daniels, S. P., 'Analysis of the FY2021 Defense Budget', A Report of the CSIS Defense Budget Analysis Program, Center for Strategic and International Studies, Aug. 2020 <<http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2020/08/Analysis-of-the-FY-2021-Defense-Budget.pdf>>.

¹⁹ Xinhua, 'Full Text: China's National Defense in the New Era', 24 July 2019 <http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/24/c_138253389.htm>.

Оценки скрытых китайских затрат на военные НИОКР, проводившиеся СИПРИ²⁰, позволяют предположить, что суммарные затраты на развитие существенно выше 50% военных расходов КНР.

При более тщательном рассмотрении американское превосходство оказывается не столь большим. При пересчете китайского военного бюджета в доллары с учетом паритета покупательной способности (4.223 юаня за доллар на 2021 г. по оценке МВФ), тот в долларовом выражении увеличивается более, чем в полтора раза, – до 320.8 млрд долл.

С учетом этого речь не идет ни о многократном, ни даже о двукратном превышении американских расходов на закупки вооружения и НИОКР над китайскими. По вложениям в развитие своих вооруженных сил две страны находятся в одной лиге. Разрыв между ними сокращается в силу сохраняющихся более высоких темпов роста китайской экономики и военного бюджета. При этом Китай испытывает намного меньшее военное напряжение, чем США. Доля военных расходов в ВВП КНР, даже с учетом вероятных скрытых составляющих этих расходов, находится на уровне 1.9% ВВП у Китая и 3.4% ВВП у США²¹.

Другим важнейшим фактором, влияющим на перспективы военного соревнования, является деиндустриализация США по ряду отраслей промышленности – при сохранении мощного гражданского промышленного потенциала в Китае. Прежде всего, это касается гражданского судостроения, где доля США в мировом производстве является незначительной (отрасль рассматривается как практически исчезнувшая)²², а доля Китая составляет около 50%²³. Учитывая преимущественно военно-морской характер военного соперничества, наличие у одной из сторон мощного гражданского судостроения становится важнейшим преимуществом, поскольку дополнительно снижает издержки при реализации военно-морских программ, а также обеспечивает огромные резервы производственных мощностей. Тесная взаимосвязь коммерческой морской мощи и военно-морского могущества является важным принципом морской стратегии²⁴.

²⁰ Tian, N., Su, F., 'A New Estimate of China's Military Expenditure', SIPRI, Jan. 2021 <https://www.sipri.org/sites/default/files/202101/2101_sipri_report_a_new_estimate_of_chinas_military_expenditure.pdf>.

²¹ SIPRI Military Expenditure Database, SIPRI, <<https://www.sipri.org/databases/milex>>.

²² Mall, S., 'Freight Waves Classics: America's Commercial Shipbuilding Industry is Nearly Gone', *Freight Waves*, 22 Jan. 2021 <<https://www.freightwaves.com/news/freightwaves-classics-americas-commercial-shipbuilding-industry-is-nearly-gone>>.

²³ 'China's Shipbuilding Industry Keeps World-Leading Role', *Hellenicshippingnews.com*, 19 Jan. 2021 <<https://www.hellenicshippingnews.com/chinas-shipbuilding-industry-keeps-world-leading-role/>>.

²⁴ Mahan, A. T., *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*, 5th ed. (1890; repr. Boston: Little, Brown, 1894), p. 45.

В результате ВМС НОАК уже в 2012–2014 гг. сравнялись, а с 2015–2017 гг. вдвое превосходят ВМС США по тоннажу ежегодно вводимых в строй боевых кораблей²⁵. Данные о количестве производимых боевых самолетов носят более фрагментарный характер, но также позволяют предположить закупку ВВС НОАК сравнимого или большего количества современных боевых самолетов, чем ВВС США.

При этом важным фактором, влияющим на расстановку сил между КНР и США в военной сфере, является распределение американских военных сил по миру. Всего за пределами США на постоянной основе размещено около 200 тыс. человек, из которых лишь меньшинство находятся в западной части Тихого океана. Кроме того, значительные американские силы задействованы в операциях за рубежом на ротационной основе, сдерживая или оказывая давление на такие страны, как Россия и Иран.

Китай не располагает развитой системой баз за рубежом – пока что у него есть лишь один постоянно действующий военный объект в Джибути, где несут службу до 2 тыс. человек. В случае возможного возникновения конфликта на Тихом океане Китай будет способен задействовать все или почти все свои силы, в то время как США должны будут стягивать их со всего мира.

Одним из направлений китайской стратегии по защите своих «коренных интересов» от США и их союзников является стремление закрепить свое превосходство в окружающих морях, в которых имеются территориальные споры. Так, после нескольких острых перепалок с Японией и столкновения в 2010 г. китайского рыболовного траулера с судном японской береговой охраны в районе спорного архипелага Сенкаку (Дяоюй) в Восточно-Китайском море, Китай в 2013 г. объявил о введении там своей зоны идентификации ПВО, примерно половина которой пересекается с японской, а небольшая часть – с южнокорейской и тайваньской²⁶.

Еще более открыто на противодействие США направлено активное военное строительство КНР на занятых им островах и рифах Южно-Китайского моря, целью которого является обеспечение контроля за огромной морской территорией, на которую Пекин, по собственному утверждению, имеет «исторические права». Речь идет о беспрецедентных по масштабам мероприятиях по возведению искусственных островов на занятых Китаем рифах и последующему строительству на них военной инфраструктуры (причалы, маяки, аэродромы)²⁷. Китайские претензии на контроль за водной акваторией в ЮКМ не признаются США и их союзниками, которые периодически направляют сюда военные корабли для демонстрации своей позиции. Ряд

²⁵ Lague, D., Kang Lim, B., 'China's Vast Fleet is Tipping The Balance in The Pacific', *Reuters*, 30 Apr. 2019 <<https://www.reuters.com/investigates/special-report/china-army-navy/>>.

²⁶ Hayashi, N., Kurashige, N., 'China Overturned Draft Air Defense Zone, Expanded It Toward Japan', *Asahi Shimbun*, 12 Jan. 2014 <<https://web.archive.org/web/20140216065721/http://ajw.asahi.com/article/asia/china/AJ201401120021>>.

²⁷ Дикарев А. Д., Лукин А. В. «Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России», *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 2, с. 5–15.

экспертов полагают, что в среднесрочной или долгосрочной перспективе от Пекина можно ожидать введения зоны идентификации ПВО и в этом регионе, хотя сегодня он к этому не готов из-за уязвимости своих военных объектов и неготовности инфраструктуры²⁸. Высказывается также мнение, что китайские стратеги, возможно, используют советский опыт по противодействию американскому флоту²⁹.

В целом КНР в настоящее время находится в фазе крайне быстрого наращивания своего военного потенциала по отношению к вооруженным силам США. Вероятно, рубежом для развития китайских вооруженных сил станет 2035 г., когда, согласно имеющимся программным документам, должна быть достигнута полная техническая модернизация вооруженных сил. При этом промежуточным этапом для повышения боевых возможностей армии должен стать 2027 г. – год столетия со дня основания НОАК³⁰.

Высокий уровень американского госдолга, ограничивающий возможности резкого повышения военных расходов, и уверенный рост китайской экономики по отношению к американской позволяют предположить, что к 2035 г. Китай имеет шансы добиться подавляющего военного превосходства над США и их союзниками в западной части Тихого океана в сфере обычных вооружений.

При этом китайский потенциал в сфере ядерных вооружений может достигнуть к этому времени такого уровня, что угроза ядерной эскалации вооруженного конфликта с Китаем станет неприемлемой для США.

Таким образом, при благоприятном для КНР развитии событий к 2035 г. может сложиться ситуация, при которой США будут не в состоянии эффективно гарантировать безопасность своим союзникам в Восточной Азии, что, в свою очередь, вынудит эти страны к поиску компромисса с Пекином на благоприятных для китайцев условиях.

Вероятно, что достижение такого положения без вступления в прямое военное столкновение с США и является истинной целью текущего китайского военного строительства. До решения этой задачи КНР едва ли будет заинтересована в активном участии в переговорах по контролю над вооружениями и даже в обеспечении эффективных мер транспарентности, которые могли бы обнажить истинную направленность китайского военного строительства.

²⁸ Storey, I., 'As US-China Tensions Rise, What Is The Outlook On The South China Sea Dispute In 2020–21?', *South China Morning Post*, 8 Sep. 2020 <<https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3100563/us-china-tensions-rise-what-outlook-south-china-sea-dispute-2020>>.

²⁹ Goldstein, L. J., 'Russia's Past Can Help Explain China's South China Sea Strategy', *The National Interest*, 16 Jan. 2020 <<https://nationalinterest.org/blog/buzz/russias-past-can-help-explain-chinas-south-china-sea-strategy-114141>>.

³⁰ Hart, D., Glaser, B.S., Funaiolo, M. P., 'China's 2027 Goal Marks the PLA's Centennial, Not an Expedited Military Modernization', *China Brief*, vol. 21, no. 6, 26 Mar. 2021 <<https://jamestown.org/program/chinas-2027-goal-marks-the-plas-centennial-not-an-expedited-military-modernization/>>.

Ядерная стратегия КНР и переговоры о контроле за вооружениями

Яркой иллюстрацией этой незаинтересованности является позиция Пекина по переговорам о сокращении ядерных вооружений и ракет средней дальности. Со времен создания в Китае ядерного оружия она заключалась в следующем: Китай берет на себя обязательство по неприменению ядерного оружия первым, но не участвует в советско/российско-американских переговорах по стратегическим вооружениям до тех пор, пока их потенциал не сократится до «сравнительно низкого уровня». До тех пор Пекин не декларирует количество имеющихся у него ядерных боеголовок и их носителей. Эта позиция удобна, так как позволяет наращивать свои ядерные силы, не признавая этого до какого угодно уровня или момента времени.

Между тем, в последние годы Китай вступил в период быстрого наращивания численности своих ядерных вооружений и количество развернутых китайских боеголовок, по существующим американским оценкам, вырастет в 2–4 раза к 2030 г.³¹ Если отталкиваться от существующих оценок численности китайских ядерных сил, например, от оценки СИПРИ, составляющей 320 боеголовок на 2020 г., речь может идти о достижении КНР численности арсенала в 1200–1300 боеголовок, что сопоставимо с ядерными силами России и США, составляющими менее 1550 развернутых боеголовок в соответствии с нормами действующего договора о стратегических наступательных вооружениях.

В этих условиях Вашингтон начал проявлять беспокойство, которое совпало с общим усилением антикитайских элементов в его политике. В публикуемом Министерством обороны США документе «События с участием Китайской Народной Республики» в редакции 2020 г. в качестве особой угрозы называлось развитие Китаем баллистических ракет средней дальности (БРСД) DF-26, предназначенных для нанесения как обычных, так и ядерных ударов по наземным и морским целям, а также новых межконтинентальных баллистических ракет (МБР), которые могут быть оснащены разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Документ также отмечал, что «в течение следующих пяти лет ожидается рост количества боеголовок на МБР наземного базирования КНР, способных создать угрозу США, приблизительно до 200 таких боеголовок»³².

В октябре того же года специальный посланник президента США по контролю над вооружениями М. Биллингсли, говоря о китайских подкритических испытаниях ядерного оружия в Синьцзяне и внушительной программе тестовых запусков баллистических ракет на 2019–2020 гг., отметил, что неучастие Китая в переговорах позволяло ему на протяжении последних

³¹ Richard, C. A., 'Forging 21st-Century Strategic Deterrence', U. S. Naval Institute, Feb. 2021 <<https://www.usni.org/magazines/proceedings/2021/february/forging-21st-century-strategic-deterrence>>.

³² 'Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020', U. S. Department of Defense, 2020, p. 55 <<https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF>>.

трех десятилетий сохранять полную свободу от каких-либо ограничений, в результате чего он смог создать от 1000 до 2000 БРСД и крылатых ракет 13 различных типов³³.

В этих условиях администрация Трампа выступила с призывами к Китаю подключиться к возможным американско-российским договоренностям по ограничению вооружений. Новый всплеск этих требований был связан с обсуждением судьбы договора СНВ-3, срок которого истекал в 2021 г.

Китайские официальные лица решительно отвергли любую такую возможность, называя их американским шантажом, направленным на сохранение американского ядерного превосходства³⁴. При этом Пекин активно критикует позицию США и поддерживает предложения России. Например, в июле 2020 г. начальник Управления по контролю над вооружениями МИД КНР Фу Цун заявил, что «раскручивание китайского фактора является ничем иным, как заговором с целью отвлечь внимание мира и создать предлог для выхода США из СНВ-3». При этом он призвал США согласиться с российским предложением продлить СНВ-3 и на этой основе еще более сократить свой огромный ядерный арсенал³⁵.

Выступая на Аспенском форуме по безопасности в августе 2020 г., посол КНР в США Цуй Тянкай заявил, что сейчас для Китая «еще не время» участвовать в переговорах. Он утверждал, что «у Китая имеется очень небольшое количество ядерных вооружений, и он намного отстает от США и России... поэтому они должны начать международное ядерное разоружение»³⁶. Заместитель постоянного представителя КНР при ООН Ген Шуан, выступая в Генеральной Ассамблее 12 октября 2020 г., повторил традиционные китайские аргументы о том, что Пекин поддерживает ядерные силы на минимальном уровне, необходимом для самообороны, и что Китай никогда не будет ввязываться в гонку ядерных вооружений с какой-либо страной. Он заявил: «Учитывая значительный разрыв между ядерным арсеналом Китая и ядерными арсеналами США и России, ожидать подключения Китая к любым трехсторонним переговорам по контролю над вооружениями несправедливо, необоснованно и нереализуемо... Это просто трюк, чтобы отвлечь внимание международного сообщества. США хотят найти оправдание,

³³ 'VIRTUAL EVENT: Behind the Great Wall of Secrecy: China's Nuclear Buildup', The Heritage Foundation, 13 Oct. 2020 <<https://www.heritage.org/arms-control/event/virtual-event-behind-the-great-wall-secrecy-chinas-nuclear-buildup>>.

³⁴ Dotson, J., 'Beijing Rejects Any Involvement in Nuclear Arms Limitation Talks', The Jamestown Foundation, 30 Oct. 2020 <<https://jamestown.org/program/beijing-rejects-any-involvement-in-nuclear-arms-limitation-talks/>>.

³⁵ 'Department of Arms Control and Disarmament Holds Briefing for International Arms Control and Disarmament Issues', Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 8 July 2020 <https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/jks_665232/jkxw_665234/t1795979.shtml>; Xinhua, 'Expecting China to Join U.S.-Russia Nuclear Arms Talks "Unrealistic": Official', 8 Jul. 2020 <http://www.xinhuanet.com/english/2020-07/08/c_139197923.htm>.

³⁶ Xinhua, 'It is Not Right Timing for China to Join U.S.-Russia Arms Control Talks: Chinese Ambassador', 11 Aug. 2020 <http://www.xinhuanet.com/english/2020-08/11/c_139282059.htm>.

чтобы уклониться от своей особой и первостепенной обязанности по ядерному разоружению, и найти предлог для обретения свободы рук и получения абсолютного военного преимущества... Китай никогда не будет участвовать в таких переговорах и не никогда не поддастся насилию и шантажу»³⁷.

Таким образом, вероятность участия КНР в переговорах по проблематике контроля над вооружениями в предстоящем десятилетии будет, по-видимому, невелика по нескольким причинам. Прежде всего, Китай едва ли может согласиться на участие в договоре, если он будет затрагивать ракеты средней дальности, и не пойдет на раскрытие значимой информации о своем арсенале таких ракет. Это связано с тем, что крылатые и баллистические ракеты средней дальности, главным образом в неядерном оснащении, являлись одним из приоритетов военно-технической политики НОАК на протяжении длительного времени (с 1980-х годов). К настоящему времени Ракетные войска НОАК обладают значительным арсеналом таких ракет (по максимальным встречающимся оценкам, до 2000 ед.), и военная промышленность страны достигла значительных успехов в их совершенствовании³⁸. В частности, в 2019 г. Китай стал первой страной в мире, развернувшей баллистическую ракету средней дальности с планирующим гиперзвуковым боевым блоком.

Ракеты средней и меньшей дальности в арсенале НОАК призваны компенсировать некоторое отставание, сохраняющееся у Китая в боевой авиации и военно-морских силах по отношению к США. Наличие такого арсенала дает КНР огромные преимущества, позволяя разрушить большинство объектов военной инфраструктуры вероятного противника в западной части Тихого океана уже на раннем этапе войны. Подавляющее большинство таких ракет (вероятно, более 90% от их общего количества) развернуты в неядерном оснащении. При этом ядерные и неядерные ракеты присутствуют в составе одних и тех же соединений Ракетных войск НОАК (ракетных баз). Любые переговоры, направленные на установление ограничений численности ракет средней дальности, должны будут превратиться в переговоры о балансе вооружений в регионе в целом, к которым должны будут подключиться и другие страны региона.

В настоящее время из сопредельных с КНР стран и территорий ракеты средней дальности наземного базирования имеются у Индии, Северной и Южной Корей, Тайваня и Пакистана. Япония официально заявила о работе над гиперзвуковыми ракетами дальностью до 500 км, однако их действительные характеристики не известны. Необходимые в этой ситуации многосторонние переговоры по ограничению вооружений на практике едва ли реальны.

Не пойдет Китай на данный момент и на ограничение исключительно ядерных вооружений. Китай не готов рассматривать возможность соглашения, при котором за ним будет закреплен более низкий лимит числа

³⁷ Xinhua, 'Asking China to Participate In "Trilateral Arms Control Negotiation" Infeasible: Chinese Envoy', 13 Oct. 2020 <http://www.xinhuanet.com/english/2020-10/13/c_139435411.htm>.

³⁸ 'Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2018', U. S. Department of Defense, 2018 <<https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF>>.

боеголовок, чем за США или Россией, поскольку в таком случае речь пойдет о неравноправном соглашении. Следовательно, для того чтобы переговоры были возможны, США должны сократить свой арсенал для китайского уровня, на что и указывал МИД КНР, отмечая при этом, что такое развитие событий маловероятно³⁹.

КНР осуществила значительные инвестиции в развитие своих стратегических ядерных сил на протяжении последних трех десятилетий. Точная цифра вложений неизвестна, но мы знаем, что велась одновременная работа над тремя типами МБР, новыми подводными лодками и ракетами для них, а также над новым типом стратегического бомбардировщика. Построено большое количество дорогостоящих объектов инфраструктуры для этих сил.

В июле 2021 г. американские эксперты, основываясь на спутниковых фото, сообщили о строительстве в Китае сразу двух новых шахтовых объектов для размещения МБР: в районе г. Юймэнь в провинции Ганьсу (на 119 шахт)⁴⁰ и недалеко от г. Хами в Восточном Синьцзяне (предположительно на 110 шахт)⁴¹. По данным исследователей Федерации американских ученых, это позволяет говорить о том, что всего в настоящее время в Китае строится около 250 шахт, что превышает число всех российских МБР шахтного базирования и составляет более половины количества всех МБР США. Сама программа их строительства представляет собой самую крупную со времен холодной войны. «Если во всех строящихся шахтах будут размещены МБР, оснащенные одно боеголовкой, то количество китайских боеголовок на МБР возрастет с приблизительно 185 до 415-ти. Если же в новых шахтах будут размещены новые МБР «Дунфэн-41», то после того, как объекты в Юймэне и Хами будут закончены, китайские МБР смогут нести более 875 боеголовок (из расчета по 3 боеголовки на одну ракету)», – пишут авторы этого анализа⁴².

Конечно, само по себе строительство шахт не означает, что все они будут заполнены МБР. Для китайской практики размещения шахтных комплексов межконтинентальных баллистических ракет характерно строительство одновременно с реальными пусковыми установками очень большого количество ложных целей. Около половины численности ракетных войск НОАК приходится на военно-инженерные части, а это порядка 50–60 тыс. человек, которые непрерывно заняты сооружением, во-первых, подземных объектов, а во-вторых, всевозможных ложных целей, которыми маскируются реальные вооружения. Китай пользуется своим преимуществом в качестве страны с мощнейшим в мире строительным комплексом, в которой

³⁹ РИА Новости, «Китай объяснил необходимость наращивать военный потенциал», 8 июля 2020 г. <<https://ria.ru/20200708/1574036590.html>>.

⁴⁰ Warrick, J., 'China is building more than 100 new missile silos in its western desert, analysts say,' *The Washington Post*, 30 Jun. 2021 <https://www.washingtonpost.com/national-security/china-nuclear-missile-silos/2021/06/30/0fa8debc-d9c2-11eb-bb9e-70fda8c37057_story.html>.

⁴¹ Korda, M., Kristensen, H., 'China Is Building A Second Nuclear Missile Silo Field,' *Federation of American Scientists*, 26 Jul. 2021 <<https://fas.org/blogs/security/2021/07/china-is-building-a-second-nuclear-missile-silo-field/>>.

⁴² Ibid.

производится громадное количество стройматериалов. Наращивание числа китайских ракетных объектов действительно идет быстрыми темпами, однако строительство сотен шахт для реального размещения МБР в одном районе маловероятно. Скорее всего, большинство этих шахт – ложные цели, среди которых будет прятаться намного меньшее количество реальных баллистических ракет. В ложных шахтах не будет «начинки», но из космоса это будет выглядеть одинаково. Тем не менее, принятие на вооружение даже 20-ти ракет «Дунфэн-41» будет очень серьезным шагом, так как речь в любом случае идет о многих десятках, а может и сотнях дополнительных китайских ядерных боеголовок, которые будут в состоянии достигнуть территории США. Кроме того, принять политическое решение по заполнению большего количества шахт Пекину ничего помешать не может⁴³.

Россия расположена вплотную к Китаю, и для поражения российских целей ракеты такой дальности не являются необходимыми, а, очевидно, предназначены для гарантированного нанесения ответно-встречного удара по США⁴⁴. Если это так, то это будет означать коренное изменение китайской ядерной доктрины. Кроме того, нельзя не учитывать, что расположенные в этом регионе МБР в случае китайско-американского конфликта пройдут над российской территорией, что должно заставить Москву задуматься.

В любом случае, по известным американским оценкам⁴⁵, у КНР есть реальные шансы если не достигнуть паритета, то резко сократить отставание от ядерных сверхдержав. Заключение ядерного соглашения в таких условиях было бы односторонней китайской уступкой США.

Вероятно, Китай будет готов к началу переговоров в будущем, когда достигнет примерного равенства со сверхдержавами, но даже в этом случае ведение переговоров будет до предела осложнено наличием трех ведущих игроков (Россия, Китай, США) и асимметрией российско-китайско-американского треугольника. До этого попытки привлечь Китай к участию в переговорах в качестве стороны, вероятно, обречены на провал. Чего максимум можно было бы добиться, так это привлечения китайских представителей к переговорам о стратегической стабильности и предсказуемости с целью укрепления доверия. Китайские власти могут пойти на это с целью получения информации, а также уточнения своих представлений о силах и концепциях России и США.

⁴³ «Академик Арбатов: «Китайские боеголовки полетят над территорией России»», *Новая газета*, 30 июля. 2021 г. <<https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/29/akademik-arbatov-kitaiskie-boegolovki-poletiat-nad-territoriei-rossii>>.

⁴⁴ Ходаренок М., Поплавский А. «Зачем Китай наращивает ядерный потенциал?», *Газета.ru*, 1 июля. 2021 г. <<https://www.gazeta.ru/army/2021/07/01/13690568.shtml>>.

⁴⁵ Charles, A. R., 'Forging 21st-Century Strategic Deterrence,' *U. S. Naval Institute*, Feb. 2021 <<https://www.usni.org/magazines/proceedings/2021/february/forging-21st-century-strategic-deterrence>>.